

*С. Хасэбэ\**

## **Исторический опыт проживания китайских мусульман в неисламских регионах**

**АННОТАЦИЯ:** В работе рассматривается исторический опыт китайских мусульман *хуэйцзу* как пример длительного выживания замкнутого исламского сообщества в этнически и религиозно чуждой среде путём мирного взаимодействия с этой средой, её социальными и этическими нормами.

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:** Китай, ислам, *хуэйцзу*, этническое меньшинство, мусульманская община.

Исламское население Китая составляет около 23 млн человек. Исламскими считаются десять этнических меньшинств. Наиболее многочисленное из них *хуэйцзу* 回族 насчитывает более 10,5 млн чел., являясь вторым по численности среди 56 этнических меньшинств Китая после *чжуанов*. Эта группа состоит из потомков различных этносов — арабов, персов, турок и даже ханьцев, принявших мусульманство.

В настоящей статье рассматривается исторический опыт *хуэйцзу* как религиозной и культурной группы.

В цивилизационном отношении мусульманское население Китая является уникальным явлением: принёсшие исламскую культуру в Китай, эти люди восприняли китайскую культуру, но при этом сохранили свою веру и религиозную общину. Рассмотрим, какое значение их исторический опыт может иметь для существования и дальнейшего развития мусульманской общины в Китае, и не только в Китае.

---

\* Хасэбэ Сигэру 茂長谷部, Университет Такусёку, Токио, Япония; E-mail: [shasebe@ner.takushoku-u.ac.jp](mailto:shasebe@ner.takushoku-u.ac.jp)

---

© Хасэбэ Сигэру, 2018

Исследуя историческую эволюцию китайских мусульман, можно выделить пять факторов этого процесса. Они показывают, что ислам заметно повлиял на китайскую культуру и, более того, стал её неотъемлемой частью.

1) Идеологическое влияние на конфуцианство. Есть все основания полагать, что исламская философия и бытование мусульманской религиозной общины оказали влияние на систематизацию и распространение неоконфуцианства. *Хуэйжу* 回儒, мусульманские учёные, изучившие конфуцианство и переведшие священные исламские тексты на китайский язык, нашли общие места в исламе и неоконфуцианстве, например, между шариатом и концепцией *ли* 禮.

2) Заморская (океанская) торговля купцов-мусульман не только способствовала процветанию южных берегов Китая, но принесла сюда знания о навигации, судостроении и методах ведения международной торговли. Уроженцы области Цюаньчжоу вели активную торговлю в морях Южной Азии и стали предшественниками «заморских китайцев» *хуацяо*.

3) Воины-мусульмане занимали заметное место в китайских армиях, как в императорской, так и в различных повстанческих. Возможными причинами этого являются сплочённость и маневренность исламской общины, унаследованные от предков.

4) Мусульмане сыграли большую роль в распространении современных знаний и технологий в таких разнообразных областях как астрономия, медицина, военное дело, ирригация, сельское хозяйство, архитектура, что принесло пользу всему Китаю. Достаточно привести пример провинции Юньнань, процветанию которой немало способствовали крестьяне-мусульмане.

5) С момента формирования группы *хуэйцзу* в Китае начиная с эпохи Тан и далее до Юань включительно, её представители занимали места специалистов или управленцев среднего звена, что позволило им обеспечить своё присутствие во многих частях страны, пользуясь привилегиями и в то же время не вызывая сильной антипатии у ханьского населения.

Изучение процесса формирования общины китайских мусульман *хуэйцзу* позволяет сделать следующие выводы.

1) *Хуэйцзу* могли жить обособленно от ханьцев. Ислам китайских *хуэйцзу* по большей части является городской религией, поэтому обширные пространства сельских районов Китая их привлекали не всегда и не везде. Занимавшиеся в основном торговлей и скотоводством, мусульмане редко вступали в конфликты с ханьцами.

2) Скромные масштабы общины, «разрозненной на большом пространстве, сосредоточенной на малом пространстве». Это результат постоянного внешнего давления со стороны *ханьцев*. Постепенно мусульманские общины достигли такого размера, что были монолитны изнутри и не представляли угрозы для других соседей. Их повседневная жизнь сосредотачивалась вокруг мечети, воспитания детей, взаимной помощи и ответственности, постепенно достигнув совершенства хорошо отлаженной системы. Это обстоятельство в сочетании с внутренним единством позволяло им жить в мирной обособленности от *ханьцев* и поддерживать с ними необходимые сношения. «Мир в разделённости» и «сожительство во взаимодействии» не обязательно являются двумя разными стадиями сосуществования. В истории *хуэйцзу* в Китае они чаще всего не противоречили друг другу<sup>1</sup>.

3) Когда в Китай вторгались иностранные армии (маньчжурская, европейские, японская), *хуэйцзу* сражались против них вместе с этническим большинством (*ханьцами*) и разделили с ними весь сложный исторический опыт, приведший к модернизации страны.

4) Разнородный этнический состав общины. Эти условия радикально отличались от существовавших в исконно исламских странах и регионах.

5) Коммуникабельность и мобильность. Члены мусульманской общины отличались коммуникабельностью и были в постоянном контакте друг с другом. Религиозные лидеры нередко приглашались из других общин. Многие *хуэйцзу* занимались торговлей и служили для своей общины источником знаний о внешнем мире. Если позволяли обстоятельства, они стремились заводить и поддерживать контакты с исламскими общинами за пределами Китая и приносили с собой новые знания и идеи из паломничеств в Мекку. Мобильность также повышала их потенциал в качестве воинов: у них была внутренняя система связей, отсутствовавшая у *ханьцев*.

6) Фактор влияния. Благодаря внутреннему единству общин и сотрудничеству между общинами *хуэйцзу* рассматривались как небольшая, но реальная сила, обладавшая влиянием, особенно в мирное время. В противоположность им *ханьцы* отли-

---

<sup>1</sup> Как отметил Тарик Рамадан, «стремление успешно ответить на вызов сосуществования путём *сожительства во взаимодействии*, а не *мира в разделённости* побудило самих мусульман провести ряд реформ внутри мусульманских общин в Европе» [1, с. 219].

чались разобщённостью, что способствовало распространению коррупции и произвола бюрократии на местах.

Изучение взаимодействия китайских мусульман с конфуцианством позволяет сделать следующие выводы:

1) *Хуэйцзу* приняли язык и обычаи *ханьцев* настолько, насколько могли их воспринять, насколько это не противоречило исламскому учению и закону. При этом они прилагали большие усилия к поддержанию и распространению исламского религиозного образования и к переводу священных текстов на китайский язык.

2) *Хуэйцзу* не стремились к обращению *ханьцев* в ислам. Главной целью их учёных *хуэйжу* было сохранение общины, поэтому им было достаточно того, чтобы исповедание и проповедь ислама удовлетворяли верующих и не вызывали противодействия властей.

Наконец, рассмотрим реакцию «принимающей стороны», т.е. *ханьцев*.

1) «Принятие» Китаем исламской общины было согласием на существование в нём гетерогенного и монолитного чужого общества, а не выбором и поглощением одной общности другой. Оба общества жили по своим законам и правилам и не стремились к глубокому взаимопониманию. Понимание ислама *ханьцами* было очень ограниченным. Если спросить китайских соседей исламской общины, что за люди составляют её, распространённым ответом было «люди, которые не едят свинину». Однако очень многие *ханьцы* находились в повседневном, бытовом контакте с мусульманами. Говоря о сосуществовании европейцев и мусульман в Европе, Тарик Рамадан заметил: «К сожалению, здесь гораздо чаще речь идёт о взаимных страхах, нежели о пользе, которую обе стороны могут извлечь из существующего положения» [1, с. 207]. В Китае у обеих сторон не существовало ни страхов, ни пользы, но лишь взаимное безразличие и отчуждённость. Возможно, это не худший вариант.

2) Община, будь то исламская или конфуцианская, имела своё единственное учение и не стремилась распространять это учение за свои пределы, разве что в случае их расширения. Им была принципиально чужда практика христианских миссионеров, воспринимавших «языческий» мир как единое целое и стремившихся навязать ему свою веру с помощью военной и политической силы, науки и технологий. Положение иноверцев, живших внутри таких общин, было незавидным, но это отдельный вопрос.

Сегодня исламская проблема является сложной и многоаспектной в политическом и социальноэкономическом отношении, поэтому предпринятый нами анализ может показаться упрощением. Однако

отношение немусульманских стран к мусульманским и немусульман к мусульманам страдает от ещё больших упрощений и предвзятых суждений, так что наши наблюдения и выводы могут оказаться бесполезными.

Перейдём к текущим проблемам, с которыми сталкиваются *хуэйцзу*. Какой путь изберёт китайский ислам? Будет ли он настаивать на своём обособленном месте внутри китайской традиционной культуры, наряду с конфуцианством и буддизмом, или будет развиваться в общем потоке культурного разнообразия, в соответствии с тенденцией последних лет воспринимать ислам как явление иностранной культуры и расширять связи с исламскими государствами и регионами? Положение осложняется тем, что официальный статус китайских мусульман не определяется ни религиозным, ни этническим критерием.

Китайский мусульманский писатель Чжан Чэн-чжи определил историческую судьбу *хуэйцзу* как «три утраты». Первая — утрата родины в эпоху династии Тан. Вторая — утрата языка в эпоху династии Мин. Третья — утрата веры. По его мнению, в 1980-е годы *хуэйцзу*, пережившие «культурную революцию» и вызванные ею гонения на религию, утратили свою веру в условиях обеспеченной экономической жизни под воздействием политики «рыночных реформ и открытости».

Проблема ислама «как религии» или «как расы» напрямую затрагивает китайских мусульман. Если исходить только из религиозного критерия, *хуэйцзу* могут утратить преференции, полагающиеся этническому меньшинству, поскольку их религиозная практика принципиально не отличается от религиозной практики христиан или буддистов. Однако для правоверных мусульман необходимы обособленные кладбища, право на совершение паломничества в Мекку и другие практики, отличающие их от *ханьцев*. Полагаю, что существование *хуэйцзу*, не являющихся практикующими мусульманами, но пользующихся религиозными преференциями, может стать проблемой для мусульманской общины в Китае.

Если тревога Чжан Чэн-чжи относительно утраты веры китайскими мусульманами в условиях материального благополучия и эволюции современного общества обоснована, то это относится прежде всего к тайваньским мусульманам.

С географической точки зрения Тайвань является крайней восточной точкой распространения ислама, если считать от Аравийского полуострова. Эта религия пришла на Тайвань в конце периода династии Мин, конкретно в эпоху Чжэн Чэн-гуна (XVII в.). Большинство мусульман переселились сюда с противоположной сторо-

ны Тайваньского пролива, из провинции Фуцзянь. Большинство этих *хуэйцзу* к тому времени уже утратили веру, а те, кто оставался верен ей, по всей видимости, утратили её в эпоху японского колониального правления. Новые группы мусульман появились на Тайване во второй половине 1940-х годов вместе с солдатами гоминьдановской армии, но и представители этой второй волны недолго сохраняли свою веру. Третья волна исламской иммиграции на Тайвань также была связана с Гоминьданом: это мусульмане и их потомки, защищавшие от японцев Бирманскую железную дорогу, которую во время Второй мировой войны США и Великобритания использовали для помощи чунцинскому правительству Чан Кай-ши. Эти мусульмане происходили из провинции Юньнань и прибыли на Тайвань как вынужденные беженцы, которым был закрыт путь домой. Однако и они не смогли укоренить ислам на острове. В настоящее время там существуют семь мечетей. Однако тайваньские мусульмане не имеют статуса официально признанного религиозного сообщества и потому не получают полагающейся таковым помощи от государства. Например, в отношении халяльной пищи они зависят от дорогостоящих импортных продуктов, а устройство обособленных кладбищ затруднено высокими ценами на землю.

С другой стороны, проблема ислама «как религии» или «как расы» для тайваньских мусульман осложняется в условиях нынешнего процесса демократизации и создания новой национальной самоидентификации. Этническими меньшинствами на Тайване признаны только аборигены и только они одни получают государственную помощь. В соответствии с правилами и нормами, унаследованными от Гоминьдана, мусульмане считаются такими же китайцами (тайваньцами), как и другие, от которых их официально не отличает исповедание иной религии. Так что у властей нет оснований оказывать помощь небособленной группе численностью менее 10 000 человек.

В заключение позволю себе несколько замечаний на тему «конфуцианско-исламского блока» в известной статье С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций?» [2]. Многие новейшие работы о китайском исламе, доселе не привлекавшем к себе особого внимания, вызваны к жизни реакцией на эту работу. Статья Хантингтона — не столько исследование о цивилизациях, сколько отражение современной политической борьбы. «Линии разлома», о которых он пишет, на деле имеют мало общего с проблематикой цивилизаций, но спор, надо признать, идёт именно об этом.

Так называемая «западная цивилизация» оказала решающее влияние — под именем «модернизации» — на исламский мир по-

сле XVII в., на конфуцианский мир — в середине XIX в. Вне зависимости от симпатий и антипатий, для обоих миров западная культура стала самой привычной «цивилизацией». Взаимное понимание (и непонимание) между исламом и Китаем также определено этой цивилизацией. Ибо то, что два этих мира знают друг о друге, в том числе в исторической перспективе, исходит от Запада и препарировано им.

Сегодня никто не считает науку, технологию, демократию, свободную торговлю, массовое производство, информационное общество, глобализм и т.д. специфическими атрибутами исключительно западной культуры. Прежде всего, глобализм — это сама современная цивилизация, хотя она и является развитием и порождением западной культуры. Страны и регионы отличаются друг от друга, но это различия внутри современной цивилизации, её различные облики. Явления культуры, такие как религия, философия и национальная самоидентификация, подчёркивают эти различия. Поэтому я не говорил о «цивилизациях» применительно к исламу и Китаю.

Оказывавшее колоссальное влияние в прошлом, конфуцианство сегодня является лишь одной из культурных составляющих Китая. Не только Китай и исламские страны, но многие не-западные государства участвуют в создании современной цивилизации с помощью своих культурных основ и особенностей. В Китае этот процесс называется термином *сяньдайхуа* 現代化, который можно перевести как «контемпораризация», дабы отличить его от модернизации 近代化, сводившейся в прошлом к заимствованиям у Запада, т.е. к вестернизации. Следует помнить, что ислам и конфуцианство, особенно ислам, оказали большое влияние на подъём европейской культуры в эпоху Возрождения, до XVI в. Для Китая различия между Востоком и Западом ещё сохраняют смысл. Что касается отношений ислама и Запада, то западный мир, в не столь отдалённом прошлом испытывавший влияние исламского мира, теперь проник в последний и постепенно заполняет его.

Ислам является государственной религией многих стран, а также религией мусульманских общин, живущих в немусульманских странах. Не следует рассматривать его как мощную силу, конфликтующую с Западной Европой, поскольку многие исламские страны конфликтуют друг с другом. Возрождение в Китае традиционной культуры, тесно связанной с конфуцианством, также порой трактуется как мечта о Китайской империи, но это не имеет под собой оснований. В настоящее время исламский мир и Китай участвуют в создании современной цивилизации, нравится это кому-то или нет. «Американскую цивилизацию» ни в коей ме-

ре нельзя отождествлять с современной цивилизацией. Но если исламский мир и Китай попытаются противостоять современной цивилизации, используя теории Хантингтона и подобных ему, то эту войну они проиграют.

Таким образом, у китайских мусульман есть выбор между двумя путями. Первый — побудить *ханьцев* понять ислам, проявляя свою религиозную самоидентификацию. Раньше это было несовместимо с атеистическим коммунизмом, но я не думаю, что и в нынешнем Китае есть место для подобного диалога на равных. Принцип взаимного понимания как основы для мирного сосуществования, похоже, не применим к китайскому исламу ни в прошлом, ни в будущем. Поэтому китайским мусульманам лучше приспособливаться к текущим переменам в Китае, как они делали это в прошлом. Если в коммунистическом Китае произойдет возрождение традиций, *хуэйцзу* сыграют в этом более активную роль, чем ранее. Морально-этические нормы традиционного китайского общества: почитание предков, прочность семейных уз, внимание к соседям, действия как результат размышления — соответствуют мусульманским нормам. В силу этого *хуэйцзу* могут помочь дальнейшему развитию китайской культуры.

Приоритет материальной сферы, распад семьи, кризис веры являются глобальными проблемами современной цивилизации, для мусульман и не-мусульман. Мусульмане уже долгое время страдают от них, но ислам обладает огромным наследием, которое может внести вклад в будущую мировую цивилизацию. Уверен, что тысячелетний опыт китайских мусульман полезен не только для других мусульман, живущих в неисламских странах, но и для современной цивилизации в целом.

*Перевод В.Э. Молодякова*

### Литература

1. *Tariq Ramadan*. Europeanization of Islam or Islamization of Europe? // *Tariq Ramadan*. To Be a European Muslim. Islamic Foundation, UK, 1999.
2. *Huntington Samuel P*. The Clash of Civilizations? // *Foreign Affairs*. 1993.

*S. Hasebe\**

#### **Historic experience of Chinese Muslims' life in non-islamic regions**

**ABSTRACT:** This paper deals with the historic experience of Chinese Muslims Huizu as an example of long-time survival of closed

Islamic community in the alien ethnic and religious environment by the way of peaceful interaction with this environment, its social and ethical norms.

**KEYWORDS:** China, Islam, Huizu, ethnic minority, Muslim community.

\* Hasebe Sigeru 茂長谷部, Takushoku University, Tokyo, Japan; E-mail: [shasebe@ner.takushoku-u.ac.jp](mailto:shasebe@ner.takushoku-u.ac.jp)